

нашему. Главный алтарь украшает изображение св. Марии - Богородицы, который обрамляет золотая рамка... Боковой алтарь украшает икона св. Марии вместе с Предтечей и евангелистом Иоанном. Боковые части алтаря украшают статуи св. Игнатия и св. Иосифа... С левой стороны от входа в храм располагается изображение св. Марии и ангела. С другой стороны находится блаженный Сармат - Станислав Костка..." [5, с. 266–267]. В описании интерьера храма упоминаются сразу несколько почитаемых образов св. Марии: Мария - Богородица, Непорочное зачатие, а также Мария с Иоанном Крестителем и апостолом Иоанном, причем образ св. Марии используется в главном алтаре, что свидетельствует о важности данного культа. Культ св. Марии нес три основные функции: повествовательную – знакомил прихожан с основными постулатами Римско-католической церкви, пропагандирующую – целью являлось распространение догматов католического вероучения и воспитание верных церкви прихожан, и антипротестантскую – расширяя и укрепляя культ св. Марии, иезуиты, подчеркивали Ее важность в спасении души. Они представляли Ее как гарант спасения, ведь неустанные молитвы и заступничество св. Марии, дают возможность даже самой грешной душе обрести Царствие Божие [4, с. 98]. Таким образом, иезуиты обращали внимание прихожан на изъяны протестантских учений, отказавшихся от почитания данной святой.

В описании храма города Динабург упоминаются изображения святых ордена иезуитов – св. Игнатий и св. Станислав Костка [5, с. 267]. Игнатий Лойола является основателем ордена. Он был канонизирован в 1622 году. День его памяти Римско-католическая церковь отмечает 31 июля [6, с. 4]. Среди местного населения Инфлянт по свидетельствам иезуитов особой популярностью пользовалась вода св. Игнатия. Крестьяне верили, что она обладает способностью изгонять злых духов и часто приглашали в свои дома иезуитов, с просьбой освятить жилище [5, с. 344, 345]. Также жители Инфлянт верили в целебные свойства воды. Так, в отчетах иезуитов упоминаются случаи, когда протестанты, будучи неизлечимо больными, просили иезуитов окропить их водой св. Игнатия, после чего следовало быстрое выздоровление [5, с. 344]. Данные случаи перекликаются с вышеупомянутой верой в чудодейственные свойства св. Евхаристии. Иезуиты никогда не отказывали, они успешно использовали данное средство для католизации местного населения.

Кроме вышеупомянутых святых в литургическом календаре были отмечены и другие святые ордена: Франциск, Алоизий Гонзага, Франциск Борджия, Франциск Ксаверий [5, с. 441, 442]. Культ иезуитских святых способствовал укреплению среди прихожан идеи ордена – беспрекословное послушание, смирение, дисциплина, что позволяло контролировать верующих.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод, что в своей деятельности по рекатолизации Инфлянт, иезуиты использовали наиболее подходящие для этой цели культы святых Римско-католической церкви. Учитывая особенность территории, иезуиты распространяли те культы, которые помогали укрепить авторитет церкви и указать на изъяны протестантских учений, а также приобщить языческое крестьянство к христианскому вероучению. Однако сами иезуиты отмечали, что использование культа святых все же не несло ожидаемых плодов, особенно среди крестьян, которые не видели разницы между языческими и христианскими обрядами и продолжали придерживаться языческих традиций.

1. Bailey, G. A. Between Renaissance and Baroque: Jesuits art Art in Rome / G. A. Bailey. – Toronto : University of Toronto Press, 2003. – P. 175.
2. Bogdanoviča, T. Dinaburgas jezuītu misijas un rezidences dibināšanas apstākļi / T. Bogdanoviča // Vēsture: avoti un cilvēki. XXVII Starptautiskie zinātniskie lasījumi. – 2018. – Lpp. 43–49.
3. Bogdanoviča, T. Inflatijas rekatolizācijas 1582–1629 / T. Bogdanoviča // Latvijas Arhīvi. – 2015. - № 3. – Lpp. 52–62.
4. Burke, M. B. Jesuit art and iconography 1550.-1800 / M. B. Burke. – New Jersey : St Peter's College Art Gallery, 1993. – P. 426.
5. Kleijntjens, J. Latvijas vēstures avoti jezuītu ordeņa arhīvos, I daļa / J. Kleijntjens (sast.). - Rīga: Apgāds Latvju Grāmata, 1940. – Lpp. 261–448.
6. O'Malley, J. W. The First Jesuits / J. W. O'Malley. – Cambridge : Mass, 1993. – P. 457.
7. O'Malley, J. W. Trent and All That: Renaming Catholicism in the Early Modern Era / J. W. O'Malley. – Cambridge : Mass, 2000. – P. 240.
8. Raymond, J. France and the Cult of the Sacred Heart: An Epic Tale for Modern Times / J. Raymond. – California : University of California Press, 2000. – P. 334.
9. Spekke, A. Latvieši un Livonija 16. gs / A. Spekke. – Rīga : Zinātne, 1995. – Lpp. 264.

УСЛОВИЯ РАБОТЫ ПСКОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В XVIII ВЕКЕ

З.А. Тимошенкова (Псков, Россия)

С созданием губерний Псковский край вошел в состав Ингерманландской губернии (с 1710 г. Санкт-Петербургская). В городах губернии управляли воеводы или комиссары - в зависимости от значения города. Структурно губернские и воеводские канцелярии были повторением «приказных палат и изб» и подразделялись на столы. В канцелярии входили дьяки и подьячие, которые позднее стали называться секретарями. Они должны были постоянно находиться на службе (воевода – два дня в неделю). Указом 1701 г. во всех городах и больших селах были введены надсмотрщики и писцы крепостных актов («всяких чинов людей в знатности добрых, усмотря сколько человек, где пристойно»). В городах учреждались писчие избы, которые предписывалось строить около приказных изб или купить за счет крепостных сборов, а в небольших – особые столы в

приказных избах. Жалование надсмотрщики и писцы получали из денег от оформления крепостных дел: надсмотрщики – 70 руб. в год, писцы (в зависимости от статьи) - от 50 до 35 руб. Но они сами покупали канцелярские принадлежности, свечи и дрова. В начале 1706 г. крепостные дела вместе с писцами были переданы в ведение городских ратуш. Контролировалась деятельность органов управления на местах фискалами – провинциальными и городскими. С 1718 г. запрещалось выбирать городских фискалов из состоятельных купцов (фискалы освобождались от уплаты податей). Фискалы кормились от дел и не получали жалования. Бюджеты новых административных образований были определены на основании старых финансовых отчетов, приоритетными статьями расходов были военные.

В мае 1719 г. территория губернии была разделена на провинции. Псковская провинция состояла из 9 уездных городов, Великолукская - из двух. Губернатору провинциальные воеводы подчинялись в военных вопросах (рекрутский набор) и судебных (как апелляционной инстанции). Воеводы и их товарищи замещались по спискам Герольдмейстерской конторы. С 1730 г. воевод стали назначать на два года, с 1734 г. им было предписано вступать в должность с начала гражданского года. В 1740 г. воеводы были в 5 городах Псковской провинции и двух - Великолукской. Все они являлись представителями дворянского сословия: провинциальные воеводы в чине подполковника (Псков) и капитана (Великие Луки), городские воеводы Гдова, Опочки и Торопца - в чине капитана, Острова - в чине поручика. Должность воеводы Ржевы Пустой рассматривалась как служба по выборам дворян.

С 1760 г. воеводы сменялись через 5 лет, по истечении которых Сенат мог при отсутствии жалоб вновь назначить их на должность. Продолжительность рабочего дня воеводы Псковской провинции (1732 г.) в среднем составляла 4-5 часов, время приезда и отъезда ежедневно фиксировалось в журнале заседаний. Выходными днями считались воскресенье и дни религиозных праздников.

Хотя по штатам 1726 г. воеводам было определено жалование, к 1740 г. его не получали воеводы провинции, уезда и пригородов, а также товарищи воевод. В 1764 г. воеводы, а с 1766 г. губернаторы получили право стать помещиками своих провинций и уездов.

В провинциях были созданы провинциальные канцелярии - исполнительный орган воеводского управления. Историю псковской провинциальной канцелярии И.И. Василев начинал с 1719 г., - времени создания провинций, однако лишь с 1726 г., когда законодательно были определены штаты провинций, можно говорить о ее структуре. Первые полные штаты провинциальных канцелярий вышли в 1763 г. В это время в Пскове в нее входили 25 чел. во главе с воеводой, при расходе на содержание 3253 руб. При канцелярии была воинская команда из 57 чел. с расходом в 600 руб. 78 ¹/₈ коп. В 1773 г. вышли новые штаты из 20 чел. с бюджетом в 3260 руб.: из состава канцелярии была исключена должность прокурора, уменьшено число канцелярских служащих. Независимо от сословной принадлежности преступников, в провинциальную канцелярию поступали дела о государственных преступлениях («слово и дело») и от ее решения зависело дальнейшее рассмотрение дела. Дела особой государственной важности передавались в Петербург. Так в 1751 г. объектом доноса стал бывший воевода М. Пущин, который обвинялся в небрежном отношении к указу об объявлении Петра Федоровича законным наследником и в подписании документов, исходящих из провинциальной канцелярии «полковник и Псковского государства воевода». Воевода сообщил, что документы принял у предшественника, «который выехал из Пскова тайно», без описи, и не знает, где «означенные листы». Что касается подписи, то за такой «скрепой» дана только инструкция обер-офицеру для сыска воров и разбойников, для чего был использован текст на казенной печати провинциальной канцелярии, где по кругу вырезан текст «печать Государства Псковского»[1, с. XI].

В 1749 г. Сенат установил единые архитектурные образцы для областных учреждений. Провинциальные канцелярии должны были состоять из 5 покоев, городские - из 4-х, тюрьма занимала 1-2 избы, размеры и количество помещений для караульных определялось самой канцелярией. В Пскове провинциальная канцелярия находилась «у площади, возле лавок, где продаются квас и калачи», по направлению к высокому мосту через р. Пскову. Бюджет псковской провинциальной канцелярии складывался из пошлин с перевозимых товаров, мостов и перевозов, с прорубей и водопоев, штрафов за нарушение в винокуренном деле. Среди статей расходов источники называют перечисление денег в вышестоящие учреждения, оплату содержания мостов и перевозов в Пскове и провинции, приобретение материалов, необходимых для их ремонта, передачу средств по частным определениям.

Провинции делились на уезды, уезды и уездные города управлялись городскими воеводами с помощью воеводских канцелярий, на местах управляли старосты и десяцкие. Воеводская канцелярия из 8 человек, делилась на поветья: протокольное, подушное и экономическое, розыскное.

Основным законодательным актом, регламентирующим деятельность государственного аппарата России, был Генеральный регламент 1720 г., который установил единые принципы работы всех звеньев государственного аппарата, закрепил иерархию должностей внутри учреждений, ввел общие формы делопроизводства и отчетности.

В 1730-е гг., чтобы иметь под рукой кандидатов на замещение вакантных мест, правительство временно переселяло дворян в столичные города. В 1733 г. предписывалось среди них жить и дворянам Великолукской и Псковской провинций, перемежаясь по 20 человек каждую треть года.

Одной из проблем для сменявших друг друга воевод было решение вопроса о проживании. Так, псковский воевода полковник С. Давыдов (1727-1730 гг.), вопреки воеводской инструкции, занял каменный и деревянный «кожевенного заводу» дом Ямского. После него здесь жили воеводы А.Г. Плещеев, а затем Ф.П. Сонцев.

С 1 мая 1733 г. согласно указу Сената воеводы в Пскове должны были жить, как и в других городах, в воеводских или других свободных казенных домах, при их отсутствии - на монастырских подворьях, «покамест воеводские двory построены будут». В связи с этим воеводе кн. Сонцову предписывалось съехать со двора принадлежащего посадскому человеку И. Б. Трубинскому.

Но и в 1749 г. псковский воевода полковник М. Пуцин жил в доме генерал-майора А.Д. Татищева. В связи с пожаром, он просил выделить деньги на его приобретение и ремонт построек. В 1765 г. поручик А. Малыгин разработал для Пскова проекты каменного воеводского двора и дома провинциальной канцелярии. Во второй половине 1770-х гг. в ходе поездки по Псковской губернии Я. Сиверс был удручен состоянием административных зданий: «каменный дом провинциальной канцелярии в Пскове развалился и уже третьего года я приказал канцелярию из него вывести в обывательский. Воеводского двора совсем нет, воевода живет в таком же ветхом обывательском доме, что мне стыдно и не без страха в него войти». Еще более удручил его Остров: «... в воеводском доме только сороки да вороны живут...». Уже в 1777 г. началось строительство здания присутственных мест[8, с. 87].

В 1722-1724 гг. была завершена реформа городского сословного управления: созданы городские магистраты - коллегиальные учреждения, состоявшие из президента, 1-4 бурмистров и 2-8 ратманов (в зависимости от величины и значения города). Эти лица выбирались из «первостатейных, добрых, почтительных, умных» посадских людей. В ведении магистрата находилось все управление города: уголовный и гражданский суд, полицейские, финансовые и хозяйственные дела. В 1728 г. магистраты были отменены, восстановленные ратуши отданы в ведение губернаторов и воевод и губернской администрации. На протяжении ряда лет выборные должности в них занимали в Пскове Русиновы, Постниковы, Трубинские[5]. Их дома зачастую использовались для размещения учреждений и администраторов. В 1748 г., например, помещения первого этажа дома Русиновых были заняты провиантской комиссией, а второй этаж - председателем этой комиссии Ф. Павловым. В 70-е гг. XVIII в дом Русиновых использовался для постоя воинских частей, полиции и гражданского суда, а в 1778 г. был отведен под постой председателю палаты гражданского суда. Деньги за постой не платились годами. Так в 1765 г. И. А. Трубинский просил заплатить ему за постой канцелярии подушного сбора с 1748 г. по ноябрь 1760 за 12 лет 10 месяцев 13 дней по 20 руб. В 1781 г. И. М. Трубинский, взыскивал с советника палаты гражданского суда К. фон Бремзеле за постой в его доме за 2 года и 4 месяца по договору 106 р.66 коп. Поэтому купцы неоднократно напоминали о льготах, на которые они по закону имели право. Так, в 1746 г. бурмистр И. Б. Трубинский, сообщал об освобождения своего двора от постоя, поскольку с 1723 г., один из первых имеет кожевенный завод.

В связи с присоединением к России новых земель были созданы две новые губернии - Псковская и Могилевская. Губернским городом стала Опочка, где строилось здание присутственных мест, но после пожара 1775 г. губернский центр был перенесен в Псков. В августе 1776 г. от Псковской губернии были отделены Двинская, Полоцкая и Витебская провинции, а Псковская и Великолукская провинции «под наименованием Псковской губернии» были переданы в ведение Тверского и Новгородского наместничества.

Губернская реформа 1775 г. не только увеличила число местных учреждений, но и вызвала быстрый рост чиновничества. В штатах 1777 г. было утверждено жалование канцелярским служащим, в том числе и архивариусам.

Л.Ф. Писарькова, пишет, что расходы на администрацию в Псковской губернии в 80-90-е гг. составляли: в 1783 г. - 121,2 тыс. руб., в 1794 г. - 122 тыс. (6, с. 102). 8 августа 1777 г. Екатерина II разрешила для строительства в Пскове здания присутственных мест «употребить» 7 тыс. руб.». Однако к апрелю 1778 г. выяснилось, что разница по оплате материала и работ по ведомости губернской канцелярии и счетом казенной палаты составила 1584 руб.58 коп. Я. Сиверс определил взыскать ее с чиновников губернской канцелярии и губернатора Х.Р. фон Нолкена - «по частям получаемого ими жалования», попутно выяснив, куда были израсходованы деньги [4, с. 75]. Проблема размещения разных губернских учреждений остро стояла до конца XVIII в. Губернская канцелярия была открыта в здании провинциальной канцелярии, строительство которой продолжалось с 1774 по 1776 гг. Позже в этом доме размещалось наместничье управление. По указу 1781 г. необходимо было построить губернские и уездные почтовые дома, на что ассигновано 200 тыс. руб. Но деньги были истрачены на другие «нужные дела», и к 1789 г. губернский почтамт помещался в съемных квартирах. Губернатор Х.Л. Зуев просил разрешить временно разместить почтамт в построенном для коменданта каменном доме, пока комендант в Псков «к должности не явитца», попутно сообщив, что «казенная палата уже переехала в здание присутственных мест». Не менее остро стоял вопрос о размещении документов. На запрос наместнического правления в 1779 г. о постройке архива Сиверс сообщал, что «ныне никакого строения особо исправить невозможно... решенные дела хранить в особых сундуках, почитая оные вместо архива». В это время архив Псковской провинциальной канцелярии был действующим, на основе его выдавались справки, поэтому большое вни-

мание уделялось приведению дел в порядок [2, с.10]. После ликвидации губернской канцелярии Я.Е. Сиверс возложил просмотр дел бывшей канцелярии на советника наместничьего правления бригадира Ащерина (после его отставки эта работа была поручена советнику палаты уголовного суда Новокрещенову). Поскольку разбором занимался только архивариус, после просьбы Ащерина наместничье правление направило в казенную палату, палаты уголовного и гражданского суда сообщение о ежедневном направлении после полудня приказных служителей для разбора старых дел. Аналогичные указы направлялись и в другие учреждения. Без еженедельного отчета об этой их деятельности чиновникам не выплачивалось жалование. В 1780 г. было приведено в порядок 23525 дел [3, л. 174]. Дела после разбора должны были передаваться во вновь созданные учреждения. Разбор дел продолжался, вероятно, до начала 90-х гг., но хранились они в непригодных помещениях: ц. Козмы и Демиана с Гремячей горы, в погребе Ильинской церкви на Запсковье [8, с. 103].

При Екатерине II магистраты стали судебными органами. Из городских расходов на магистраты приходилась половина (Великие Луки). Купец, входивший в магистрат, для ведения своих дел за пределами города хлопотал об отпуске, который давался обычно на 29 дней.

Остро стоял вопрос и о зданиях для городских учреждений. Средства на них собирали с купцов и мещан. В 1793 г. дума Великих Лук решила строить каменное здание для магистрата по плану, присланному из Пскова. Следует отметить, что в дальнейшем в построенном здании размещались все городские учреждения. [7, с. 27].

1. Василев, И.И. Дела псковской провинциальной канцелярии. Материалы по истории Псковской старины. Псков. 1884.
2. Герасименко, Т.Е. Из истории архивов Псковской губернии в последней четверти XVIII в. //Материалы шестых псковских архивных чтений. 14-16 ноября 2011 года. Псков 2012.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО). - Ф. 74. Оп. 1. Д.41.
4. Губернский Псков в архивных документах. Сборник государственного архива Псковской области. – Псков: 2010.
5. Кизеветтер, А.А. Посадская община в России в XVIII столетии. Москва: Типография Московского университета, 2003.
6. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Москва: «РОССПЭН», 2007.
7. Пульхеров, А.И. Великолукское общественное управление 1785-1891 гг. Великие Луки : Великолукская гор. тип., 2012
8. Тимошенко, З.А. Управление Псковом и Псковской землей в XVIII в. //История органов власти и управления в Псковском крае (с древнейших времен до наших дней) – Псков:2016. С. 78-117.

США И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ XVIII В.: ПРОБЛЕМА СОЮЗОВ С ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ В КОНТИНЕНТАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ (ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ 1776 Г.)

Д.В. Дорофеев (Симферополь, Россия)

В отличие от предшествовавших двух столетий, в XVIII в. влияние религиозного фактора на процесс формирования внешней политики государств Европы начинает резко уменьшаться [3, с. 431]. Форма правления также не была причиной для заключения союзов: монархии и республики не просто сосуществовали, но и создавали альянсы для достижения общих целей – австро-венедцианский союз 1718 г., франко-голландский союз в годы Войны США за независимость в 1776 – 1783 гг. [7, р. 96]. С уменьшением религиозного фактора и созданием национальных государств, XVIII в. демонстрировал, что войны становятся по своей природе коалиционными. Из-за того, что проходившие войны не давали преимущество ни одному из государств или их определенной коалиции, особенности альянсов Вестфальской системы международных отношений сводились к следующему: формат военно-политических коалиций не предусматривал продолжительное сотрудничество – непостоянство и быстрое изменение союзников были свойственным признаком для международных отношений эпохи, в которой зарождались и становились США [1, с. 52; 3, 438]. Альянсы были настолько гибкими, что утрачивали продолжительность и прочность, так как участники союзов стремились найти причины не выполнять обязательства и разорвать связи в подходящий для них момент [12, р. 7 – 8]. В результате, союзы не были инструментом для предотвращения войн и создания системы коллективной безопасности [7, р. 112]. В результате, как правило, войны завершались не самоограничением или признанием международной легитимности той или иной державой, а взаимным экономическим, финансовым и военным истощением. Как следствие – мир был миром упадка. Умеренность оказывалась результатом временной передышки, необходимой для экономического, военного и финансового восстановления [2, с. 337-339].

Изучение истории альянсов XVIII в. позволяет выделить четыре базовых типа союзов, которые практиковались. Первый – симметрично-однородный альянс («aggregation» alliance): члены союза сотрудничают на взаимовыгодной основе (англо-прусский союз 1756 – 1762 гг.). Второй – ассиметрично-однородный альянс («guarantee» alliance): члены союза взаимовыгодно сотрудничают, но сроки функционирования альянса определяются исключительно наиболее мощным участником (англо-голландский союз 1702 – 1756 гг.). Третий – ассиметрично-разнородный альянс («hegemonic» alliance): участники сле-